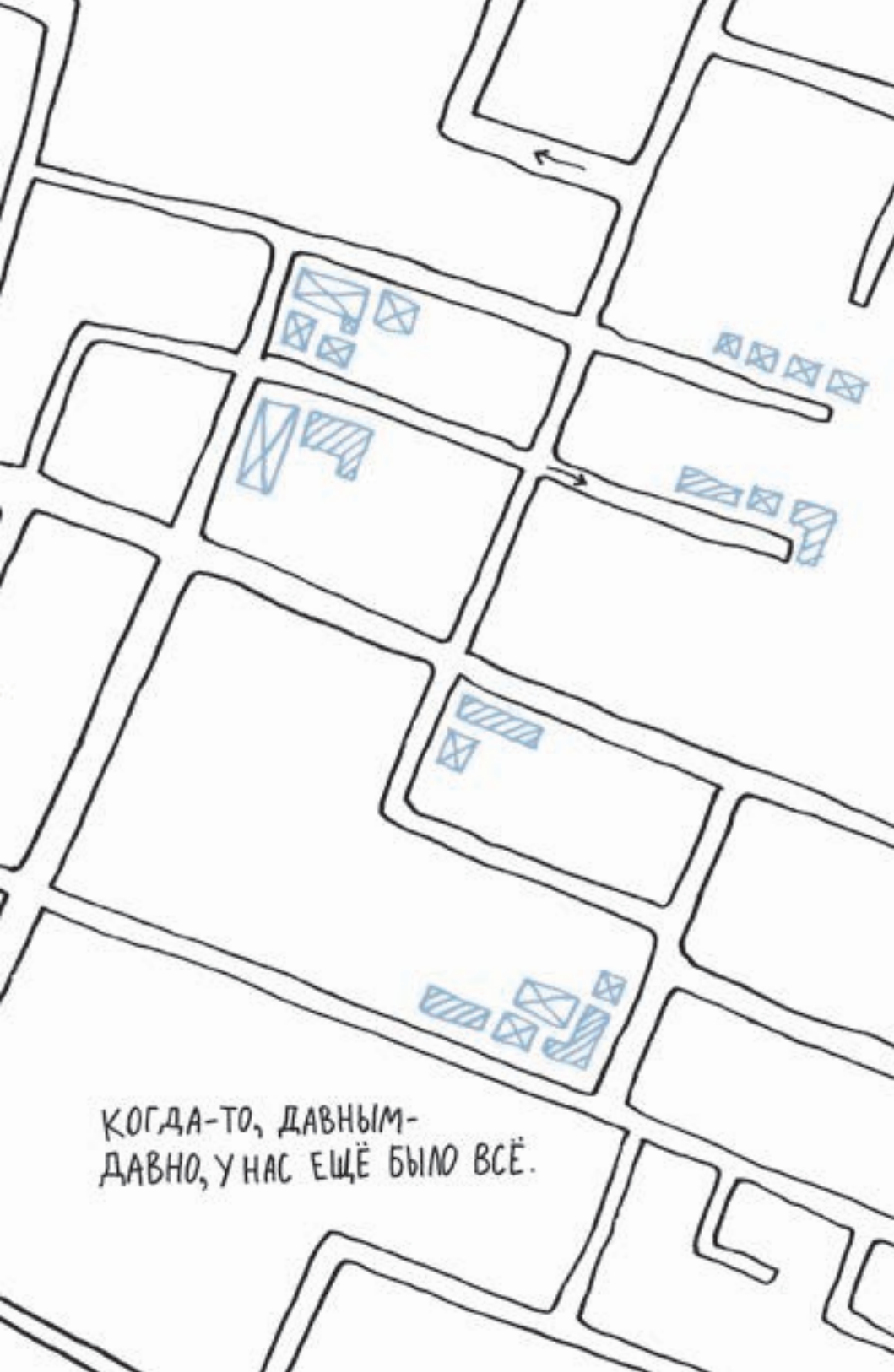

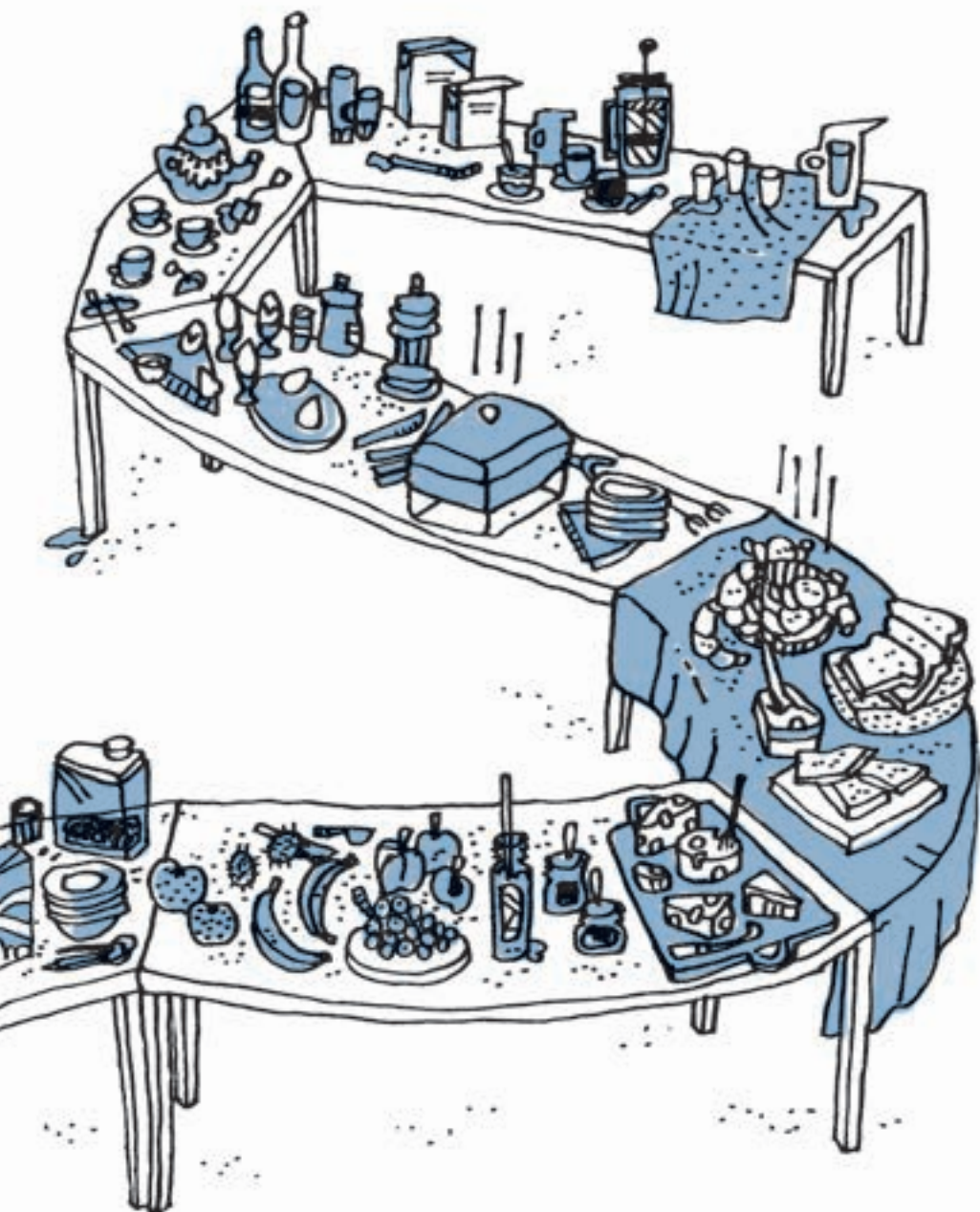
М

Ауляндия

КОГДА-ТО, ДАВНЫМ-
ДАВНО, У НАС ЕЩЁ БЫЛО ВСЁ.

САМЫЙ ДЛИННЫЙ В МИРЕ
ЗАВТРАК:

Глава 1

Когда-то, давным-давно

Когда-то, давным-давно, у нас ещё было всё.

Квартира на пятом этаже, а выше только тёмный таинственный чердак, где пылинки танцуют в лучах света весь день, а может, и всю ночь, уже в темноте, где сражаются друг с другом голуби и мыши, привидения и чудовища, выясняя, кто здесь главный, кто хозяин чердачных сокровищ. Если сон долго не приходил, я лежала и слушала их шажки, шуршанье и воркованье, топот и ропот, фрррр! и тррррр! бум! и крак! А потом наступала тишина. Тишина танцующих пылинок.

У нас было четыре комнаты, моя — самая большая, ведь я самая маленькая и места мне, чтоб расти, надо побольше, ясное дело.

У нас был прожорливый пол, между старых досок — голодные щели, в них исчезали булавки, крошки, ногти, изюминки и тыщи маленьких камешков. Пол всё это переваривал и снова выплёвывал комками и нитками пыли.

У нас были растения в горшках, 84 штуки, и балкон с клубникой, и картины на стенах, а ещё те, что прятались под каждым столом — тайные, секретные шедевры юной художницы (ЭТО Я!), которая однажды проснётся знаменитой.

У нас были самые длинные в мире завтраки по выходным, и уютная мятая одежда, и раскрытые книги, и смятые газеты на батареях и подоконниках, в шкафах и ящиках комодов, на полу, и, конечно, на всех столах, и в туалете тоже.

Потому что мама читала всё время, не только сидя и стоя, как нормальные люди, но и на ходу, а иногда — даже на велосипеде. А на работе — так почти без перерыва. Хорошо, что работала она не на стройке или на ферме, а в чудесной книжной лавочке...

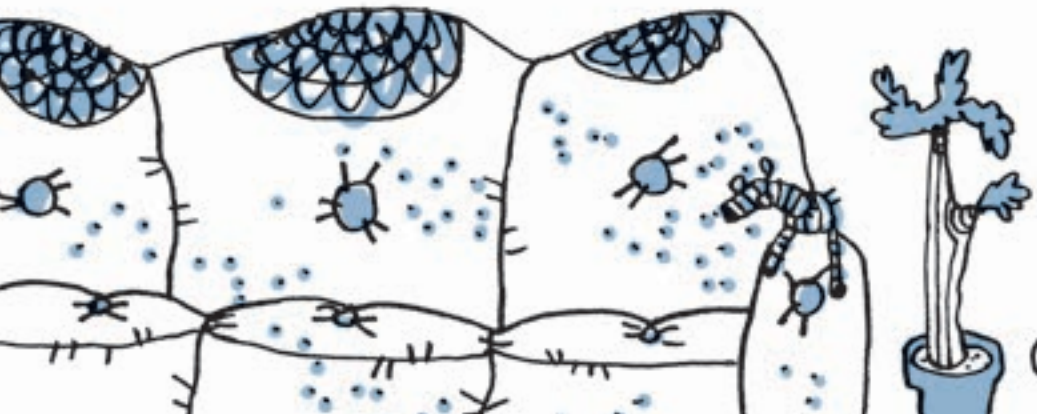
У нас был деревянный потолок и отметки на дверном косяке, чтобы было видно, как я расту.

У нас были наскальные рисунки на обоях, их нарисовала одна маленькая девочка (Я!), которая с рождения знала, что станет художником, но не сразу поняла, что от родителей свои творения лучше прятать подальше.

У нас были засаленные выключатели, и мелкие мушки во фруктах, и настольный футбол, и скучные толстые соседи, которым позволялось иногда почесать мне пяточки пальцами-колбасками, но потом — будьте добры, катитесь к себе, да поживее.

У нас у всех троих были кудряшки, у меня так даже рыжие, но потом мама всю эту красоту состригла, сначала мне — потому что каждый раз, когда меня расчёсывали, я визжала, как кошка, которой прищемили хвост, потом себе — чтобы мне не скучно было одной без кудряшек, а потом и *Тому Человеку* — чтоб не оставался один с кудряшками.

У нас были тысячи имен для меня, и самым-самым оказалось «Маулина» — потому что рифмуется с «Паулина»

(так меня зовут) и потому что я, когда была совсем маленькой, не плакала, а мяукала, только по-своему: мау! мау! А когда подросла, мяуканье превратилось в мяв — не простой, а в Мяв с большой буквы, поднятый до уровня искусства, до всеохватного мировоззрения, но об этом — потом.

У нас была скульптура из жеваных жвачек на холодильнике, рядом с кофеваркой, и коврик из щетины дикого кабана перед входной дверью, и тайник для козявок за кроватью, и танцующие отблески мерцающих свечей на окнах — старые рамы закрывались неплотно, и через щели частенько убаюкивающе посвистывал ветер.

У нас были лампочки, светившие жёлтым светом, а по утрам — невероятные, сногшибательные выступления знаменитой гимнастки (ЭТО Я!) на большом синем белом диване у кухонного стола. На этом диване у нас жила зебра, старая чёрно-белая зебра, старше всех нас

вместе взятых, она лежала на сине-белом подлокотнике, спокойно и внимательно глядя оттуда на наш тяжёлый липкий деревянный стол. Зебра ничего особо не делала и не говорила, но она была неременной частью нашей пёстрой жизни и занимала в ней раз и навсегда определённое место — в самой середине.

У нас были ссоры с криками и хлопанием дверьми, с запредельно громкими детскими концертами, со слезами и яростью — уже тогда.

У нас были резиновые сапоги, и грязь, и две черепахи — Ленни и Рой. Ладно, черепахи есть и сейчас — они ведь звери очень выносливые и тормозные, их абсолютно ничем не выведешь из себя, поэтому они могут стать старыми, как вода, ну или почти.

У нас был двор, а в нём — садовник (ЭТО Я!), и начальник (Я!), и директор цирка (Я!), и иногда ко мне туда приходили гости: соседи из нашего дома, и родители, и, конечно, мои друзья, которые жили вместе со мной на этой улице, в этом королевстве, в Мауляндии, — Юлиус, Барт, Луиза, Мона и Пит.

У нас была клумба, и ореховое дерево, и груша, и непролазная живая изгородь из маулиновых и смауроудиновых кустов, и пещера — маущера, точнее сказать.

Сначала она была просто ямкой, потом превратилась в яму, потом к ней добавился

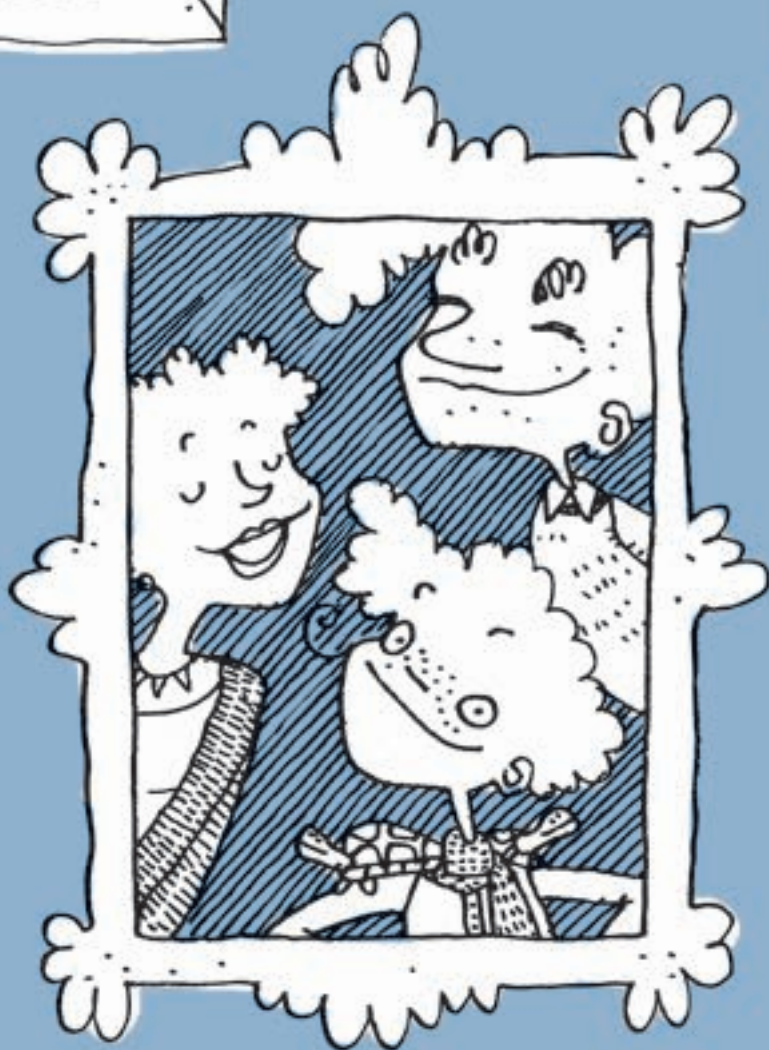

подземный ход. И суперподземный *маукопатель* (Я!) его подпер и укрепил, и днями напролет надрывался, углубляясь всё дальше и дальше, пока в конце подземного хода не получилась норка, где кое-кто (Я!) мог уютно свернуться калачиком, словно котёнок. А над землёй, в саду, у нас был старый пластмассовый складной стол и старые пластмассовые складные стулья, у нас были головастики и личинки комаров в бочке с дождевой водой и бездомный кот, который иногда захаживал к нам, каждый раз с новым шрамом.

И всё это, всё-всё-всё, было моим — от крыши до выстеленного соломой пола маущеры. Она в особенности была моей, ведь это я её придумала и сама вырыла, сначала руками, потом по очереди ложкой и старой консервной банкой, потом малюсенькой лопаткой. Всё это было моё! (Не считая зебры, она принадлежит *Тому Человеку*. Он получил её от своего отца, когда был совсем крошечным, размером с кабачок. Но кроме зебры — ВСЁ МОЁ!)

Всё это было у нас в этой квартире, в этом доме, на этой улице, в этом королевстве, моём королевстве под названием Мауляндия, где я — принцесса и одновременно президент-маузидент.

Когда-то, давным-давно, у нас были каникулы в Дании и Польше, по пятницам — блины с вонючим сыром и маулиновым вареньем и много-много смеха, так что даже живот болел. Когда-то, давным-давно, у нас был полный морозильник фруктов, два ласточкиных гнезда над кухонным окном и споры о том, не завести ли нам куриную семейку. Всё это было, было, было — когда-то, тыщу лет назад.

КОГДА-ТО, ДАВНЫМ-ДАВНО,
У НАС ВСЁ БЫЛО. У НАС БЫЛИ
МЫ.

МАУЛЯНДИЯ

Глава 2

Что было, то прошло

Дед говорит: жизнь — она как блинчик.

Раньше на стирку уходил целый день, а теперь всю работу за тебя делает рычащий механизм, и когда он принимается за отжим на 1600 оборотах, дед всякий раз вздрагивает и хрюкает.

На смену туалету-домику во дворе пришел фарфоровый трон, по которому журчит чистая вода, разом уносящая все твои делишки (куда, кстати?).

Вместо колки дров и тасканья угля теперь батареи, вместо боли — таблетки, вместо сморщенных от воды пальцев — посудомоечная машина, вместо скуки — телевизор, вместо голода — выпирающее брюшко, вместо выпавших зубов — протез, бабушка стала цветком, а сам дед — весёлым старым пнём. Но и про это — потом.

Квартира с четырьмя комнатами, мрачным чердаком, садом и бесценными наскальными рисунками на обоях на улице, полной друзей, превратилась в крошечный домик на другом конце города, пластиковый от и до. Если всё, что у нас было, сравнить с блинчиком — от него только и осталось, что масляный след на пустой тарелке и тень вкуса на языке. А теперь — что у нас есть?

Малюсенький домик, квадратный и затхлый, втиснутый между другими точно такими же на Улице Затхлых Домиков.